

САЙМОН
МОРРИСОН

история любви

ЛИНА
И СЕРГЕЙ
ПРОКОФЬЕВЫ

Саймон Моррисон

**Лина и Сергей Прокофьевы.
История любви**

«Центрполиграф»

2013

Моррисон С.

Лина и Сергей Прокофьевы. История любви / С. Моррисон —
«Центрполиграф», 2013

Саймон Моррисон, музыковед, профессор Принстонского университета, написал книгу о Лине Прокофьевой, урожденной Каролине Кодине, – «загадочной, неотразимой, надменной, несносной, кокетливой, капризной, упрямой и... мужественной». На основе огромного количества документов автор воссоздал жизнь красивой, умной, образованной женщины, певицы, выступавшей под псевдонимом Лина Любера, жены величайшего композитора XX века Сергея Прокофьева, ценой брака с которым стали восемь лет лагерей.

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Саймон Моррисон Лина и Сергей Прокофьевы. История любви

Simon Morrison
Lina and Serge Prokofiev

Lina and Serge Prokofiev
Copyright © Simon Morrison, 2013
© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

* * *

Сергею Прокофьеву-младшему посвящается

Введение

Среди немногих вещей, сохранившихся со времен восьмилетнего пребывания Лины Прокофьевой в ГУЛАГе, потрепанная сумка из мешковины. В самодельной, достаточно вместительной сумке хранились ноты французских, итальянских и русских арий, которые некогда подававшая надежды оперная певица-сопрано пела в тюрьме и которым обучала женщин-заключенных. Среди избранных произведений была и песня Шопена под названием «Желание».

В песне рассказывается о девушке, настолько преданной своему возлюбленному, что, будь она солнышком на небе, сияла бы только для него, а летай она птичкой в облаках, пела бы только для него. Пение всегда помогало Лине погрузиться в воспоминания о былых днях, отрешившись от реальной жизни. На Крайнем Севере, где она отбывала заключение, единственным, что поддерживало ее среди голых, пустынных равнин, была сила воображения.

Ручки сумки из бечевки обернуты вокруг двух деревянных пластин – одна в два раза больше другой, в помятой металлической рамке. На каждой ее имя – Lina Prokofiev, вдавленные в дерево буквы обведены карандашом. У Лины не было, как это принято в России, отчества – его придумали тюремщики, они же добавили окончание женского рода. Она стала зваться Лина Ивановна Прокофьева, ее прошлое было отнято вместе со свободой, но сохранилось в сумке из мешковины.

На обеих сторонах сумки в центре вышиты ее инициалы, Л. П., в окружении красных, желтых, оранжевых и серых стежков. Научившись рукоделию в лагерях, она старалась украсить принадлежавшую ей вещь. Сумка, не считая маленького темного пятна на дне, сохранилась в отличном состоянии. Спустя несколько десятилетий она была передана старшему сыну Лины, Святославу.

Лина родилась в Мадриде, юность провела в Бруклине, училась пению в Париже и начала певческую карьеру в Милане. Она свободно говорила на нескольких языках, включая русский, родной язык ее матери. В 1923 году Лина вышла замуж за Сергея Прокофьева, одного из величайших музыкантов своего времени, от которого ждала ребенка. А в 1927 году они впервые приехали вместе в сталинский Советский Союз. В ожидании поездки супруги испытывали не только радостное предвкушение, но и тревогу. Сергей уехал из России в 1918 году, до восхождения Сталина к власти, а Лина не бывала там с детства. Советские чиновники стремились вернуть Сергея для участия в социалистическом эксперименте, завлечь модернистского вундеркинда на модернизированную родину. Сергеем обещали лучшие залы, исполнение произведений, равнодушно встреченных на Западе, восторженный прием, даже профессорство в Московской консерватории. Он поклялся – высокомерно, покровительственно – изменить курс советской музыки.

Бывшая столица Российской империи Санкт-Петербург, теперь Ленинград, сохранила свои дворцы и особняки, пастельные фасады и замерзшие каналы; город не изменился со времен юности Сергея, и, увидев его снова, он не мог сдержать восторга. Зато новая столица Москва потрясла его. Горизонт был очищен от церковных куполов, чтобы освободить место для величественных утопических памятников советской власти, основа которой все еще продолжала закладываться. Над городом сгущалась тьма, которой Прокофьев старался не замечать, сосредоточившись на положительных сторонах московской жизни. Лина не обращала внимания на шум в телефоне в отеле «Метрополь», свидетельствовавшие о том, что линия прослушивается, и старалась не думать о тех, кто затаился в соседнем помещении, отделенном от их номера тонкой дверью. Говорили, что и в номере, возможно, установлены микрофоны, и по ночам в постели Сергей в шутку, прижав сложенные ладони ко рту, шептал слова Лине в ухо.

Но успех кружил голову – в советских концертных залах Сергеем бурно аплодировали стоя, музыкальные критики высоко оценивали его исполнительское мастерство. Исполняя в Москве Третий концерт для фортепиано с оркестром без дирижера, он извлекал бурю звуков из инструмента – его мощные и гибкие руки позволяли добиться звучания редкой силы и наполненности¹. Лина наслаждалась вниманием, которое оказывали элегантной паре на банкетах, устраиваемых в их честь. Сталинским чиновникам не нравилась музыка Сергея, но они признавали ее силу, ее возможности в качестве пропагандистского орудия. Лине делали комплименты по поводу ее пения и обещали, что, если Прокофьевы переедут в Москву, как надеется советское правительство, у Лины сложится певческая карьера, которая не удалась на Западе.

Следующие приезды Сергея в Москву не были столь же триумфальными, и теперь никто не разыгрывал перед ним спектаклей. Сергей понял, какая жизнь ждет его в Советском Союзе на самом деле, если он решит остаться. Он багровел и злился, когда пролетарские музыканты обрушивались с критикой на его балет «Стальной скок», в котором, по их мнению, он высмеял сталинскую политику индустриализации, представив советского рабочего рабом производства. Лине не надо было присутствовать во время споров, чтобы понять, как ее муж реагировал на критику в свой адрес, – звучным стаккато объявлял, что больше думает о творчестве, чем о политике.

В Париже, где они в то время жили, Лина получала приглашения на приемы в недавно открывшееся советское посольство – первое посольство СССР за рубежом. Советский посол во Франции поставил перед собой задачу убедить Лину переехать в Москву, одновременно рассказывая Сергею, какие «привилегии ждут его в Советском Союзе»².

Проще было поверить обещаниям, чем усомниться в них, и в 1936 году они переехали в Москву. Лина, уставшая быть просто женой великого композитора, наивно надеялась, что в Москве наконец сможет добиться успеха. Париж, «город огней», утратил притягательность, Лина устала от бесконечных разговоров об экономическом кризисе и угрозе со стороны Гитлера.

Но вскоре ложь раскрылась. Соседи Лины и Сергея жили в постоянном страхе, боясь лишний раз открыть рот. Вскоре супруги поняли, в чем причина – в постоянных исчезновениях людей, представленных в «Правде» как кампания, направленная против «диверсантов» и «врагов народа». Следовало перевоспитывать тех, чьи души были отравлены империалистической догмой. (Среди них, очевидно, был двоюродный брат Сергея Шурик, сидевший в тюрьме.) Внезапно возросло число самоубийств; дети доносили на собственных родителей, Коммунистическая партия ставилась выше семьи.

Лина, пока могла, играла роль приверженца советского режима, но быстро поняла, что обманута в своих ожиданиях, и ею овладело безразличие. Сергей намного дольше жил в счастливом неведении. Их отношения испортились, напряжение усиливалось, и совместные поездки и воспитание детей уже не помогали забыть о проблемах, возникших в семье. Летом 1938 года в санатории в Кисловодске Сергей увлекся женщиной вдвое моложе его, Мирой Мендельсон.

Их брак рушился на глазах. Почти ежедневно происходили все новые необъяснимые исчезновения – люди пропадали из квартир, институтов и с фабрик. Английская школа, в кото-

---

¹ В архиве Прокофьева сохранилось стихотворение, написанное Бальмонтом под впечатлением авторского исполнения Третьего концерта. По воспоминанию Лины Прокофьевой, «...впечатление, произведенное на него музыкой, было таким сильным, что он написал стихотворение». Ликующий пожар багряного цветка, Клавиатура снов играет огоньками, Чтоб огненными вдруг запрыгать языками. Расплавленной руды взметенная река. Мгновенья пляшут вальс. Ведут гавот века. Внезапно дикий бык, опутанный врагами, Все пути разорвал и стал, грозя рогами. Но снова нежный звук зовет издали, Из малых раковин воздвигли замок дети, Балкон опаловый оточен и красив, Но, брызнув бешено, все разметал прилив. Прокофьев! Музыка и молодость в расцвете! В тебе востосковал оркестр о звонком лете, И в бубен Солнца бьет непобедимый Скиф. (Примеч. ред.)

² Интервью ЛП МХБ (принятые сокращения см. в конце книги. – Ред.), 18 июля 1968 года. (Здесь и далее, кроме указанных случаев, примеч. авт.)

рую ходили их сыновья, внезапно закрылась. Учителя и родители некоторых учеников были репрессированы. За окнами московской квартиры грохотали стройки, внутри царила мрачная тишина.

Сергей ушел к Мире за три месяца до начала советской фазы во Второй мировой войне. Лина перестала выходить из квартиры и общаться со знакомыми. Даже в горе она не теряла гордости и самообладания, не могла допустить, чтобы ее жалели. Она не позволяла себе распускаться, в этом ей помогали оптимизм и сильный деятельный характер.

Пережив удар, она опять появилась в обществе и задействовала всех знакомых иностранцев, пытаясь сделать то, что не удалось Сергею: выехать из страны. Французское, британское и американское посольства долгое время были ее связью с внешним миром, ее убежищем от безумия сталинского режима. Преданная мужем, вынужденная в одиночку заботиться о детях, она пыталась получить загранпаспорт, разрешение на выезд, тут печать, там печать. Но безуспешно. Хуже того – ее действия вызвали подозрения властей.

Поначалу она легко уходила от слежки. Садилась в трамвай, а когда двери начинали закрываться, в последний момент выскакивала на улицу, оставляя преследователей внутри. Позже ей пришлось освоить новые уловки. Например, юркнуть в темный подземный переход, соединявший станции метро, и там переодеться. Однажды, покупая билет в метро, Лина заметила за собой слежку. Спустившись по эскалатору, пошла по переходу и, свернув за угол, быстро сняла платье – под ним было надето другое. Она старалась не думать о том, какому риску подвергается.

* * *

Вечером, накануне трагических событий, к Лине в гости пришла Анна Холдкрофт из британского посольства – хотела узнать, как «миссис Прокофьева» справляется одна. Они познакомились в 1945 году на приеме, устроенном британцами в гостинице «Метрополь», где остановилась Анна. Лина была приятной собеседницей – хорошо образованная, артистичная, живая. Она отличалась острым язычком, но никогда не говорила о людях плохо, за исключением тех, кто обманул ее доверие. Когда иностранцы жили и работали под неусыпным контролем и когда любое общение русских с иностранцами рассматривалось как антисоветский заговор, ее встречи с иностранцами, работавшими в Советском Союзе и посещавшими Москву, играли против нее. Анна пришла в гости к Лине 19 февраля 1948 года и своим неожиданным появлением навлекла на хозяйку беду.

Еще по пути к Прокофьевой Анна заметила мужчину, которого видела раньше, – агент невысокого ранга, как она коротко прокомментировала Лине. Они договорились, что Анна позвонит, если решит, что за ней следят, когда она выйдет из квартиры. Прежде чем попрощаться, Лина спросила, не могли бы они встретиться завтра на нейтральной территории, подальше от соседских ушей. Однако утром 20 февраля Холдкрофт позвонили и предупредили, чтобы не ходила на встречу. Ожидая худшего, Анна осталась в гостинице.

Лина была дома одна, когда вечером раздался телефонный звонок. Не могла бы она выйти на улицу, чтобы забрать посылку? Она устала, неважно себя чувствовала и не хотела выходить из дома, но мужчина, позвонивший по телефону, настаивал. Она торопливо оделась, причесалась и подкрасила губы. Надела пальто, взяла ключи, закрыла дверь, спустилась в лифте на первый этаж, вышла из подъезда, миновала безлюдный двор и вышла на улицу, где ожидала увидеть курьера. Лина не подозревала, что ее ждет приговор к двадцати годам тюремного заключения за государственную измену.

Лина не узнала человека, который подошел к ней на улице, однако никакой посылки у него в руках не оказалось. Он не был одним из тех, кто следил за ней в автобусах, метро и на улицах, в том числе и на Чкаловской, на которой был ее дом. Как жена, живущая отдельно от

мужа – знаменитого композитора, государственная служащая и переехавшая в Москву европейка, поддерживавшая знакомства с иностранными дипломатами и чиновниками, Лина представляла интерес для ОГПУ, НКВД, МГБ и МВД, приставлявших к ней своих малограмотных агентов. Аббревиатуры менялись, но обязанности оставались все те же: арестовывать людей, чьи имена появлялись в списках, и выводить их из квартир, зная, что за закрытыми дверями в страхе затаились соседи.

Мужчина, одетый в штатское, пришел не один. Его спутникам явно не пришлось месить уличную грязь – черные сапоги сверкали чистотой. Если бы Лина потребовала, чтобы этот человек предъявил документы, он бы их предъявил. Но это не имело никакого значения. Что бы она ни делала, ареста было не избежать.

Лину затолкали в машину и по широкой, безлюдной улице повезли в центр Москвы. Она не вернулась в четырехкомнатную квартиру, в которой прожила двенадцать лет, сначала с мужем, потом без него.

Машина ехала по мрачным городским улицам, и Лина поняла, что случилось худшее. Ее имя появилось в списках на арест, и ее приказали арестовать. Кричать Лина боялась, но у нее хватило смелости спросить: «В чем дело? Почему я в этой машине? Почему вы забрали у меня сумку и ключи? Разрешите хотя бы предупредить детей. Вы не можете просто взять и увезти меня»³.

Машина проехала мимо Курского вокзала, по Покровке на Лубянскую площадь, сердце советского полицейского государства. В коричневом здании с колоннами, в котором некогда располагалось Страховое общество, теперь был штаб МГБ, Министерства государственной безопасности, заведовавшего огромной системой сибирских тюремных лагерей. ГУЛАГ находился в ведении МГБ. На той же площади, напротив магазина «Детский мир», располагалось грязно-желтое здание в неоклассическом стиле – внутренняя тюрьма. Ворота открылись, пропуская машину во двор, и захлопнулись за ней.

Позже соседи, ставшие свидетелями ареста Лины, рассказали двадцатитрехлетнему Святославу подробности ареста, а девятнадцатилетний Олег своими глазами видел проводимый в квартире обыск и мог только беспомощно наблюдать, как все переворачивают вверх дном. Сохранилась фотография, сделанная после обыска, – на полу валяются бумаги, а Олег, сидя на скамеечке для ног в кухне, смотрит на список изъятых вещей растерянным, непонимающим взглядом. Из квартиры вынесли картины, драгоценности, фотографии, памятные вещи. Забрали рояль Forster, которым дорожил Сергей. Пропали Лино золотое кольцо с изумрудом и картина Натальи Гончаровой. Разбилась пластинка с записью оперы «Богема», когда мешок с пластинками тащили по ступеням. Записи Дюка Эллингтона было решено забрать в следующий раз. Опечатали двери двух комнат, вдвое сократив площадь квартиры.

Святослав с Олегом тщетно просили о помощи друзей семьи. Затем по глубокому снегу добирались до отцовской дачи, чтобы сообщить ему страшную новость. Мальчики много месяцев не виделись с отцом. Он молча выслушал сыновей и, испуганно запинаясь, ответил непонятной фразой: «Что я сделал?»⁴

В тот вечер они с Мирой сжигали в печке иностранные журналы, книги и письма, связанные с его прошлым, – все потенциально опасные свидетельства о «зарубежном» прошлом. Позже Лина решила, что его тоже арестовали.

---

³ ЛПФ.

⁴ Интервью ЛП МХБ, 1–2 апреля 1985 года.

На протяжении девяти месяцев, сначала на Лубянке, потом в Лефортове, Лину подвергали допросам. Следователи плевали в нее, били, угрожали, что расправятся с ее детьми. В руки и в ноги втыкали иглы. В течение первых трех месяцев ей не давали спать, доводя до грани сумасшествия. Два дня из пяти заставляли стоять согнувшись в узкой камере с низким потолком, пока ноги не начинали дрожать и подгибаться от невыносимой боли. Ее водили на допросы по морозу без верхней одежды. Она слышала, как кричат обитатели тюрьмы, и следователь уверял ее, что она будет кричать еще громче.

Информация об аресте Лины, суде и отправке в лагерь почерпнута из личных писем и других неопубликованных документов, владельцем которых является внук Лины, Сергей Прокофьев-младший, живущий в Париже. Эти документы вместе с содержимым самодельной сумки, в которой хранились ноты, и документами из советских личных дел помогли восстановить детали жизни Лины, о которых она отказывалась вспоминать не только во время интервью, но даже наедине с собой. Также для написания этой книги использовались документы из Российского архива литературы и искусства (РГАЛИ) и архива Сергея Прокофьева в Голдсмитском колледже Лондонского университета, где можно найти тексты интервью и письма тридцатых годов. Большинство архивных источников из РГАЛИ, которые использовались для написания первой половины книги, до сих пор засекречены и недоступны (1929 год, секция номер четыре). Только благодаря специальному разрешению Фонда Сергея Прокофьева удалось получить доступ к этим материалам.

Эта книга описывает ужасы тоталитаризма, но начиналось все с мечтаний молодой женщины. В Советском Союзе Лине обещали обеспечить материальный комфорт, высокое положение, личную свободу и особые привилегии. Точно такие же обещания Советский Союз давал гражданам и сочувствующим. Но на самом деле во главе государства стояла настоящая преступная сеть. Аморальные лидеры заботились вовсе не о благе народа, они всеми силами стремились удержать власть при помощи принуждения и насилия. Лина не смогла примириться ни с этой трагедией, ни с местом, где она разыгралась.

Глава 1

Лина редко рассказывала о своем аресте и восьми годах, проведенных в тюрьме. Молчание было условием ее освобождения, но таков был и ее собственный выбор. В погоне за подробностями самыми бестактными были американские журналисты, а самыми настойчивыми – британские, но, хотя Лина давала интервью, никому не удавалось добиться от нее больше, чем она считала нужным сказать. Лина научилась давать уклончивые ответы и с успехом применяла это искусство против тех, кому хватало наглости писать о вещах, в которых они ничего не смыслят. Лина решила, что сама поведаст о своей жизни в автобиографии, но так и не продвинулась дальше разрозненных записей и общего плана книги.

С годами увеличивался перечень запрещенных тем. К их числу относились события после ее ареста, а также мытарства с детьми во время Второй мировой войны. Вскоре запретным для упоминаний стал весь период с 1936 года, когда она приехала в Москву, до 1974 года – года бегства на Запад. Она всячески старалась создать впечатление, что никогда не жила в Советском Союзе и что муж ее не бросал. Однако в интервью газете *New York Times* допустила промах, упомянув о «восьми годах в тюрьме и на Севере», но при этом все равно настаивала, что ее жизнь не была «трагической»⁵. Однако травма не могла пройти бесследно. Ночью Лину преследовали кошмарные сны, днем – беспричинные страхи.

В 1920-1930-х годах Лина жила в Париже, воспитывалась же в Нью-Йорке, где от русских эмигрантов узнала о мировой политике. Но чаще переносилась мыслями в более отдаленное прошлое, вспоминая конец XIX века и родственников во Франции, Польше, России и Испании. Но это было так давно, что она не могла вспомнить, кто есть кто и где именно происходило то или иное событие. Ее воспоминания, вернее, воспоминания о воспоминаниях, были путанными и отрывочными. Дядя-инженер занимался прокладкой подводных кабелей, пока не заразился малярией на болотах. Заботливый дед был высокопоставленным советником в русском правительстве (в то время Польша входила в состав России). Дед Владислав, отец матери Лины, безумно любил внучку; он брал Лину в рестораны, где официанты скользили по полу легко и бесшумно, словно призраки; дарил ей букеты цветов и смотрел, как она танцует, когда ей было четыре года. Всесторонне образованная, одухотворенная бабушка Каролина, в честь которой называли Лину, помогла маленькой внучке преодолеть страх перед темнотой. «Мне страшно, давай включим свет», – просила Лина во время грозы. «Но ты в своей комнате, где тебе все хорошо знакомо, – успокаивала бабушка. – Ничего не изменилось. Успокойся... Слушай тишину в темноте и грозу, это чудесно»⁶.

Лина наслаждалась проблесками воспоминаний, воскрешая в памяти одного за другим членов семьи своей матери и не обращая внимания на откровенно скучающих журналистов. Она описывала годы детства, проведенные на Кавказе, на юге России, где непрочные деревянные дома теснились на горных плато, с которых низвергались водопады. Там жила ее тетя Александра со своим мужем-валлийцем, который, вероятно, и был тем самым прокладчиком кабелей. Место было дикое, и по ночам Лина сжималась от страха, слыша завывания шакалов и лай свирепых волкодавов, охранявших дома. Позже, слушая точно такой же лай за стенами барачных бараков, она переносилась мыслями в детство, вновь уговаривая себя не бояться темноты.

Из всех мест, в которых она жила или бывала, Россия привлекала Лину больше всего. Именно с Россией были связаны самые яркие воспоминания, а ведь Лина объездила весь мир –

---

⁵ *New York Times*, 10 декабря 1976 года, статья Донала Хенахана «Она действительно единственная жена Сергея Прокофьева?».

⁶ ЛПФ.

Испания, Швейцария, Куба, Соединенные Штаты. Детские годы, проведенные в странствиях, запомнились как увлекательное приключение.

Лина родилась 21 октября 1897 года в Мадриде на улице Барбары Брагансы. От отца она унаследовала каштановые волосы и темные глаза с тяжелыми веками, но в остальном была копией матери: храброй, импульсивной, упорно добивающейся своих целей – хотя найти достойную цель зачастую было трудно. Ее отец, Хуан Кодина, который начал свою музыкальную карьеру с пения в Барселонском кафедральном соборе, стал профессиональным вокалистом, тенором и композитором-любителем, сочинявшим песни с каталонским колоритом. Он брал уроки у Кандидо Канди, известного композитора, органиста и аранжировщика народных песен. Из Барселоны Хуан перебрался в Мадрид, где учился в Королевской консерватории. В этот период его голос понизился с альты до тенора, но сохранил неповторимую утонченность тембра. Позже в Соединенных Штатах он обучал американских учеников сольфеджио.

В Мадриде Хуан влюбился в Ольгу Немыскую, светловолосую, сероглазую певицу-сопрано из Одессы. Сначала она обучалась пению в Санкт-Петербурге, в России, а затем в Италии и Испании, где брала уроки у знаменитого баритона Джорджо Ронкони, который, хотя ему было уже за семьдесят, все еще брал учеников. Хуан и Ольга поженились в 1895 или в 1896 году, несмотря на протесты со стороны ее родителей из-за того, что жених был католиком, и со стороны его родителей из-за кальвинистско-протестантского происхождения невесты. У Хуана было шестеро братьев, все моряки, и сестра, Изабелла, последнее прибавление в семье Кодина, горячо любимое родителями. Ольге, получившей клеймо еретички, так никогда и не довелось познакомиться с ними, и Хуан никогда не говорил о своей семье, если не считать редких случайных упоминаний – его мать, судя по всему, изучала восточные языки, а кто-то из братьев перебрался в Южную Америку. Отец Ольги, недовольный финансовым положением Хуана, ворчал, что даже муж-сторож был бы лучше. Хуан действительно был талантливым дилетантом, мастером на все руки, так и не нашедшим основного призвания. Он обладал слишком творческой натурой, чтобы преуспеть в деловой сфере. Артистическая же карьера не сложилась из-за страха перед публикой.

В раннем детстве Лина приезжала с родителями в Россию. Это было задолго до русской революции, даже до Первой мировой войны и подъема коммунистического движения. До расстрела в подвале русского царя Николая II, его жены и пятерых детей оставалось более десятилетия.

Возможно, в столице Российской империи Санкт-Петербурге, в Москве или где-то еще Хуан дал несколько концертов, выступая под русским аналогом своего испанского имени – Иван. Ольга не выступала вместе с ним, хотя была не менее – и даже более – талантлива, чем муж. В начале 1890-х годов она нашла свое место в провинциальных театрах Италии. В рецензии от 1894 года говорится о ее исполнении роли кокетливой крестьянской девушки Микаэлы в опере «Кармен», поставленной в Teatro Sociale в городе Монтаньяне на севере Италии. Затем последовали контракты с оперными труппами в Москве и Милане. Она выступала под сценическим именем Нерадофф, которое, как объяснил ее учитель, намного легче писать и произносить, чем «Немыская».

Родители, занятые выступлениями, оставляли Лину на попечении бабушки и дедушки по материнской линии, на Кавказе, и самые яркие ее детские воспоминания связаны с этими местами. Вот пасечник предупреждает Лину, что с пчелами надо быть очень осторожной, и разрешает подходить к ульям только в защитной маске. А вот Лина собирает яйца в курятнике деда и бежит по двору за гусями, подражая их шипению и гоготу. Она помнила, как примерно в 1906 году в Москве родители или дедушка с бабушкой купили ей пальто с плиссированной

вставкой и бархатный берет, сделанные в Париже. Она долго хранила одну из пуговиц от этого пальто.

Лина была на Кавказе, когда умерла бабушка. Родители две недели добирались из Швейцарии, надеясь застать ее в живых. Дедушка взял восьмилетнюю Лину за руку и подвел к кровати, на которой лежала бабушка. Девочка смотрела, как он нагнулся и поцеловал бабушку. Затем он попросил Лину попрощаться с бабушкой Каролиной, объяснив, что ей надо уходить. «Поцелуй бабушку в лоб или в щеку», – сказал он девочке. Лина поцеловала бабушку и сказала: «Она такая холодная. Почему она не поправляется?» – «Она уходит, – ответил дедушка. – Уходит в другой мир»⁷.

Лина очень любила бабушку, которая научила ее не бояться темноты и познакомила с баснями Жана де Лафонтена. Декламируя их на языке оригинала, французском, бабушка всячески поощряла внуку заучивать наизусть изящные стихотворные строки, однако Лина любила стихи гораздо позже. Кроме того, бабушка была специалистом по французской литературе и писателем: она читала Лине свои рассказы. В большинстве из них рассматривались сложные религиозные вопросы, недоступные для понимания ребенка шести-семи лет. Одна из наиболее мрачных историй была связана с резней в канун дня святого Варфоломея и, возможно, имела отношение к преследованию гугенотов – родственников Каролины. Уже будучи взрослой, Лина вспомнила мораль басни Лафонтена о бабочке, покидающей свое укрытие и горько за это поплатившейся. «Чтобы жить счастливо, надо прятаться» – ключ к пониманию ее жизни в Советском Союзе⁸.

Следующим потрясением для Лины стала смерть дедушки, к которому она любила забираться на колени и накручивать на пальцы его бороду. Дедушка понял, что не может жить дальше один. Он страдал от многих болезней, а когда у него началась пневмония, нарочно распахнул все окна в доме и долго вдыхал морозный воздух. Умер он в ноябре 1907 года. После его смерти Хуан и Ольга больше не приезжали в Россию.

Теперь домом для Лины стала Швейцария, женевская коммуна Grand-Saconnex (Гранд-Саконне). Она запомнила парк и озеро, по которому зимой катались на коньках, пару булочных, в одной был особенно богатый ассортимент, и праздники, которые устраивал местный мэр. Соседи называли ее то *La Petite Espagnole*, маленькая испанка, то *La Petite Russe*, маленькая русская, поскольку никак не могли понять, из какого уголка Европы приехал этот необычный темноволосый ребенок с длинными косами. Она ходила в детский сад, но не любила строгие правила и с трудом справлялась с французской грамматикой. С Линой занималась мать, и позже выяснилось, что девочка обладает феноменальным талантом к языкам. На протяжении первых лет жизни Лина слушала и впитывала пять языков: русский от матери и дедушки по материнской линии, английский от нянек, французский от бабушки по материнской линии, испанский и каталанский от отца. Немецкий язык изучала понемногу, урывками. В конце жизни она приехала в Женеву, чтобы пройтись по местам, памятным с детства, но детский сад снесли вместе со всей деревней. Теперь на этом месте располагается Женевский международный аэропорт.

Хуан и Ольга выступали и в Швейцарии, и в других странах. Сохранились короткие отчеты о концертах в Женевской консерватории⁹ (*Conservatoire de Musique de Genève*) в январе 1904 года, на которых Хуан исполнял арии итальянских композиторов.

---

⁷ ЛПФ.

⁸ *New York Times*, 10 декабря 1976 года, статья Донала Хенахана «Она действительно единственная жена Сергея Прокофьева?».

⁹ Женевская консерватория – старейшая консерватория Швейцарии. Основана в 1835 году меценатом Франсуа Бартолонни. В настоящее время объединяет Женевскую школу музыки (*L'École de Musique de Genève*), в которой обучаются любители музыки, и Женевскую высшую школу музыки (*La Haute École de Musique de Genève*), в которой происходит обучение про-

Как следовало из статьи в *Le Journal de Genève*, Хуан умело интерпретировал песни Паоло Тости¹⁰, итало-английского композитора, который в то время был весьма популярен и пользовался большим успехом на официальных приемах и в салонах.

Выступления Ольги тоже удостаивались похвал, и у нее были свои поклонники. Один из них произвел глубокое впечатление на Лину и спустя годы стал для нее, благодаря обширным связям, незаменимым человеком. Это был Сергей Маркович Перский, известный переводчик с русского на французский, долгое время работавший секретарем премьер-министра Франции Жоржа Клемансо. Он был давним поклонником Ольги и ее матери Каролины, бабушки Лины. Перский устроил несколько концертов Ольги в Европе и был огорчен, что она не достигла той известности, которой, по его мнению, заслуживала. Он не понимал Ольгу, когда она отказывалась от выступлений, чтобы проводить больше времени с дочерью...

Перский был по-рыцарски щедр, и Лина с нетерпением ждала его визитов и красивых коробок с бисквитами, покрытыми шоколадной глазурью, которые он приносил ей, чтобы «подсластить» отношения с Ольгой. В 1920 году Перский узнал, что Лина живет во Франции, разыскал ее, пришел, как в былые времена, с коробкой дорогих шоколадных конфет и спросил: «*Avez-vous une aussi belle voix que votre mère?*» («У тебя такой же красивый голос, как у твоей матери?»)¹¹. Глухой к протестам Лины, он предлагал ей выйти замуж за одного из своих друзей-миллионеров.

Хуан и Ольга не бедствовали, но их финансовое положение вряд ли можно назвать стабильным, и они вынуждены были обращаться за помощью к родным Ольги. Они не хотели обсуждать финансовые и другие щекотливые вопросы в присутствии Лины, а потому обменивались записками, причем на тех языках, на которых она еще не умела читать. В какой-то момент они решили принять помощь от швейцарского дяди Ольги и на эти деньги отплыть в Нью-Йорк, где, как они надеялись, им удастся продолжать выступления. Это было более чем наивно, если учесть, что у сорокалетнего Хуана как певца миновала пора расцвета, а тридцатипятилетняя Ольга совершенно забросила пение и утратила физическую форму. Они дали обещание друг другу и дочери, что больше не будут переезжать с места на место.

21 декабря 1907 года океанский лайнер *Statendam* вышел из порта Булонь-сюр-Мер и взял курс на Нью-Йорк; в Америку вместе с Линой и ее родителями отправился брат Хуана, Пабло. Они высадились на острове Эллис¹² 1 января 1908 года, став частью многочисленной волны иммиграции, которая к 1910 году увеличила население пяти районов Нью-Йорка почти до пяти миллионов человек.

Почти два миллиона жителей были уроженцами иностранных государств, включая тонкогубого аристократа, мэра Джорджа Б. Макклеллана-младшего, уроженца Дрездена. Макклеллан завоевал популярность не только благодаря чудесам архитектуры, появившимся в Нью-Йорке в период с 1904 по 1909 год, когда он был мэром города. Не меньше его прославила пуританская кампания по борьбе против стремительно набирающего популярность кинематографа. Один и тот же человек надзирал за строительством Центрального вокзала Нью-Йорка и пирсов Челси и отозвал лицензии у сотен владельцев кинозалов, устроенных в концерт-холлах,

---

фессиональных музыкантов. (Примеч. ред.)

¹⁰ Тости Паоло – итальянский композитор, певец, педагог, придворный музыкант английских королей. Автор более 150 песен и романсов (в основном на слова итальянских авторов). Его песни уже более ста лет составляют наиболее эффектную часть репертуара многих оперных певцов всего мира (особенно теноров) – от великого современника Тости Карузо и до вокалистов наших дней. (Примеч. ред.)

¹¹ Письмо ЛП Сергею Прокофьеву от 29 декабря 1920 года. РГАЛИ. Ф. 1929.

¹² Остров Эллис, расположенный в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 года по 12 ноября 1954 года. Остров – собственность Федерального правительства США – находится под юрисдикцией Службы национальных парков США. На соседнем острове Либерти стоит статуя Свободы. (Примеч. ред.)

ресторанах и барах. Однако другие виды мероприятий для народа и элиты гонениям не подвергались. Лина и ее родители приехали в Нью-Йорк, когда в театре «Никербокер» состоялась премьера водевиля Джорджа Коэна «Весь город говорит» и за десять дней до того, как Густав Малер дебютировал с оперой «Тристан и Изольда» в Метрополитен-опера. (Однако после первого сезона и постановки «Тристана и Изольды» его заменил Артуро Toscanini, а Малер стал главным дирижером Нью-Йоркского филармонического оркестра и выступал в Карнеги-Холл.)

Сначала родители Лины рассчитывали на помощь дяди Ольги, который вместе с ними приплыл в Америку. Фредерик Шарль Верле с женой Мари давно эмигрировали из Европы; Мари скончалась в 1898 году в первый день Рождества – ей было 54 года. Вдовец, переделавший фамилию на американский манер – Уэрли, какое-то время снимал квартиру в Бруклине на Division Avenue (Дивижн-авеню), а затем переехал в Уильямсбург. Вечерами он преподавал немецкий язык в средней школе, а в качестве приработка давал уроки французского, немецкого и испанского языков; он находил учеников, помещая объявления в газете Brooklyn Daily Eagle о том, что профессор Фредерик Ш. (или Ф.Ш.) Уэрли¹³ дает уроки за умеренную плату.

Лина с родителями поселились в его тесной квартирке на Родни-стрит, 206. Уэрли был упрямым и раздражительным человеком. Его единственной настоящей страстью, по мнению Лины, был «искусственный язык» эсперанто, о преимуществах которого он рассказывал с фанатичным пылом. За приложенные усилия в создании Бруклинского общества эсперанто его избрали вице-президентом. Жить с ним в одной квартире было невыносимо, и его упорные попытки приобщить Лину к эсперанто привели к ссоре, в результате которой семья иммигрантов чуть не оказалась на улице. Ольга заявила, что ее дочь знает более чем достаточно языков, и, кроме того, эсперанто звучит отвратительно.

Семья была вынуждена отправиться на Кубу, в Гавану, где у Хуана были друзья. К этому времени относились последние воспоминания Лины, связанные с раздражительным дядей, но на самом деле по возвращении с Кубы ей снова пришлось поселиться в его квартире. Она жила у него и будучи подростком, когда родители уезжали в заграничные гастроли. Расставания были мучительны, поэтому болезненные воспоминания стерлись. Поскольку Ольга категорически отвергла эсперанто, Уэрли решил обучить племянницу немецкому языку – для него немецкий язык шел на втором месте после эсперанто. Лина с трудом уживалась с дядей, однако новый язык усваивала с легкостью. Последний раз Лина встречалась с дядей, когда ей было лет пятнадцать. Верле загадочным образом исчез из квартиры; мать Лины безуспешно пыталась разыскать его через общих друзей и, наконец, пришла к выводу, что он совершил самоубийство.

В Гавану семья отправилась на пароходе, поскольку это было дешевле, чем по морской железной дороге из Ки-Уэста, Флорида¹⁴. Они сняли квартиру на Тулипан-стрит, рядом с рынком, неподалеку от порта и вокзала, который вскоре снесли. Куба, несмотря на оккупацию США, оставалась магнитом для испанских иммигрантов, которые управляли своими банками, системой социального обеспечения и выпускали ежедневную газету – влиятельную консервативную газету *Diario de la Marina* («Дневник побережья»). Гавана старалась обеспечить комфортную жизнь разношерстному обществу, состоявшему из служащих, сахарных баронов

¹³ ЛПФ.

¹⁴ Железная дорога Майами – Ки-Уэст, существовавшая в штате Флорида, – уникальное инженерное сооружение, значительной частью проходившее по мостам над водами Мексиканского залива. Морская железная дорога являлась продолжением железной дороги Florida East Coast Railway до города Ки-Уэст, расположенного в 150 километрах от береговой линии полуострова Флорида. Эксплуатировалась с 1912 по 1935 год. Строительство железной дороги началось летом 1905 года. 21 января 1912 года отправился первый поезд, знаменующий завершение строительства железной дороги в Ки-Уэст. Из 170 километров пути от бухты Джеффиш до Ки-Уэст 59 километров проходило по открытому морю на мостах и насыпях. Большая часть Морской железной дороги была уничтожена 2 сентября 1935 года ураганом «Шторм столетия». Железную дорогу восстанавливать не стали. 13 августа 1979 года Морская железная дорога была включена в Национальный реестр исторических мест США. (Примеч. ред.)

и эстрадных артистов. Хуан собирался зарабатывать на жизнь как исполнитель каталонских народных песен или оперный певец.

Однако вскоре Лина с матерью покинули Гавану; 27 мая 1908 года они вернулись в Нью-Йорк без Хуана. Тем временем он познакомился с Адольфо Бракале, директором Национального театра; позже, благодаря этому знакомству, Хуан гастролировал по Латинской и Южной Америке. Когда Хуан вернулся в Нью-Йорк, они сняли свою первую пятикомнатную квартиру в доме без лифта в Бруклине на Голд-стрит, 404, в одном квартале от оживленной улицы Флэтбуш-авеню (Flatbush Avenue) и неподалеку от квартиры Уэрли. Месячная плата за тесные квартиры в здании из красного кирпича колебалась от 18 до 25 долларов; дом был густонаселенный; со всеми вопросами и жалобами обращались к швейцару, который жил в цокольном этаже. Единственным преимуществом жилища было расположение – дом находился в нескольких минутах ходьбы от Бруклинского моста и остановки трамваев, идущих на Манхэттен.

Среди их соседей было несколько русских иммигрантов, но большинство были местными – в Бруклине всегда процент коренных жителей был выше, чем на Манхэттене. Некоторое время в одной квартире с семьей Кодина жил портовый рабочий средних лет с дочерью, которую тоже звали Лина; девочки были примерно одного возраста. Кроме того, в доме жили несколько мальчиков, их ровесников.

Дети ходили в парк Форт-Грин, до которого от дома было всего пять минут ходьбы на восток. Из парка, занимавшего 30 акров, открывался впечатляющий вид на военные верфи и Манхэттен. В нескольких минутах ходьбы на запад от их дома находился Бруклинский муниципалитет (Боро-Холл) и оживленный торговый район Фултон-стрит и Корт-стрит.

На Четвертой авеню строилась новая линия метро, поэтому ходить там надо было осторожно и внимательно смотреть под ноги. Траншеи шириной 100 футов и глубиной 30 футов тянулись до Манхэттенского моста. Однажды рабочие чуть не оказались погребенными под слоем песка и гравия вблизи Мертл-авеню; к счастью, они выбрались, отделавшись небольшими ушибами. Спустя примерно три десятилетия Лина и ее дети столкнулись точно с такими же неудобствами в России – рядом с их московским домом шло строительство метрополитена.

В Бруклине Лина училась в бесплатной средней школе номер 2, находившейся на углу улиц Тиллари и Бридж, всего в двух кварталах от дома. В четырнадцать лет Лина все еще училась в шестом классе. Годы странствий сказались на ее знаниях: у нее были пробелы по основным предметам, и, кроме того, она не была сильна в английском. Но Лина была прилежной ученицей, к тому же мать много занималась с ней, и вскоре девочка стала получать хорошие отметки. В День поминовения в 1911 году – спустя два месяца после крупнейшей производственной катастрофы в Нью-Йорке, пожара на фабрике «Трайангл»¹⁵, – Лина приняла участие в школьном патриотическом спектакле на тему Гражданской войны в Америке. Она выучила наизусть и читала со сцены рассказ неизвестного автора XIX века Foes United in Death о смертельно раненных солдатах, южанине и северянине, решивших простить друг друга в последние минуты жизни. «Южанин попытался заговорить, но ни звука не слетело с его побелевших губ. Тогда он взял за руку своего умирающего противника, крепко сжал ее и улыбнулся, и в его последнем взгляде было прощение и покой»¹⁶.

Хуан много работал, выступая на разных площадках Нью-Йорка. На его удачу, вкусы местных жителей оставались консервативными, хотя время от времени извне и проникали вея-

¹⁵ Швейная фабрика «Трайангл» занимала три этажа здания, восьмой, девятый и десятый. Пожар начался на восьмом этаже вечером в субботу 25 марта 1911 года. Почти сразу выходы из здания оказались заблокированы, хотя часть находившихся в здании людей (включая хозяев предприятия) сумела выбраться на крышу, а некоторым удалось спуститься на работававших лифтах. Пожарная команда приехала быстро, но потушить пожар оказалось непросто из-за высоко расположенных горящих этажей, до которых не доставали пожарные лестницы. Общее число погибших составило 146 человек. Спасшиеся владельцы фабрики предстали перед судом по обвинению в том, что двери фабрики были заперты. В 1911 году было создано Американское общество инженеров по безопасности – первое в мире общество по безопасности на предприятиях. (Примеч. ред.)

¹⁶ The Speaker's Garland and Literary Bouquet. Philadelphia: P. Garrett, 1876.

ния модернизма. Любимым развлечением были водевили и синкопированная музыка танцевальных оркестров, но уже наступала «эпоха джаза». Из газет Хуан узнал об открытии театра «Зимний сад»¹⁷ и запрете танго в танцзалах, но эти события, как и интриги, которые представители высшего общества плели в опере и филармонии, не затрагивали его – Хуан был занят тем, что из всех сил пытался свести концы с концами.

Он выступал на самых разных площадках. 21 января 1909 года он исполнял популярные арии из оперы Леонкавалло «Паяцы», Масканы «Сельская честь» и Valse Brillante Луиджи Венцано на концерте, устроенном женским клубом Chiropean. Клуб был создан в 1896 году, и с тех пор в первый и третий четверг каждого месяца, с октября по май, в нем собирались хорошо образованные женщины из восточного района Бруклина. Необычное название клуба происходило от греческих слов *chiros*, что означает «рука», и *reos* – «песня». Но кроме того, это был замысловатый акроним, в котором зашифрованы слова «христианство», «небеса», «независимость», «промышленность», «республика» и еще несколько лозунгов, державшихся в секрете. Организаторы клуба давали возможность женщинам развивать и реализовывать свои интеллектуальные и профессиональные способности, чтобы их равенство с мужчинами, а иногда и превосходство над ними стало общепризнанным. Ольга была связана с клубом и, несомненно, способствовала тому, чтобы ее мужа пригласили для участия в концерте 21 января. В тот день основным докладчиком была мадам Мари Кросс Ньюхос, покровительница искусств и видный защитник прав женщин. Она выступила с докладом об итало-американской культуре под названием «Италия и некоторые итальянцы» – отсюда произведения итальянских композиторов в программе Хуана – и об оказании помощи жертвам разрушительного землетрясения и цунами в Италии¹⁸.

Ольга тоже искала работу в Нью-Йорке. В 1908 году она подписала контракт с Карло Е. Карлтоном и его Metropolitan Musical Association, актерским агентством в Мидтауне¹⁹. В начале весны 1909 года из-за финансовых проблем фирма прекратила свое существование, но Карлтон продолжал работать на Ольгу. В газете New York Clipper²⁰ он рекламировал ее как одну из известных талантливых певиц и устроил ей несколько выступлений; он даже предоставил ей возможность появиться на экране. Лина помнила, что ее мать пригласили сниматься в немом фильме о молодом одаренном певце-иммигранте. Ольга, по сути, должна была сыграть себя, певицу, однако героиня была простой, необразованной женщиной. Согласно весьма отрывочным воспоминаниям Лины, Ольга в процессе дубляжа должна была исполнить блестящую арию из «Травиаты». Однако после подписания контракта Ольга объявила, что заболела,

¹⁷ Когда-то на месте театра располагались конюшни. В 1910 году семья Шуберт взяла в лизинг здание у Уильяма Вандербильта за 40 тысяч долларов на 40 лет. Здание было перестроено под театр. В 1922 году Шуберты пригласили известного театрального архитектора Герберта Краппа для создания нового дизайна, перестройки и модернизации зрительного зала. В 1932 году Шуберты договорились с вдовой Зигфилда, Билли Бэрк, о том, чтобы на сцене театра восстановить название и формат его шоу Folies-Bergere. Современное здание появилось в 1922 году. В 30-х годах XX века здесь проводились музыкальные ревью с участием Авы Гарднер, Фани Брайса, Боба Хоупа и Жозефины Бейкер. С театром связаны и такие известные имена, как Джером Роббинс, Стивен Сондхайм, Артур Лоренц. В этом театре родилась «Вестсайдская история» Леонарда Бернстайна. На сцене театра в 60-х годах XX века шла постановка «Смешная девчонка», подарившая миру новую звезду – Барбру Стрейзанд. (Примеч. ред.)

¹⁸ Мессинское землетрясение произошло 28 декабря 1908 года в Мессинском проливе между Сицилией и Апеннинским полуостровом. В результате были разрушены города Мессина и Реджо-Калабрия. Это землетрясение считается сильнейшим в истории Европы. Землетрясение началось около 05:20 утра 28 декабря в море, на дне Мессинского пролива. Толчки вызвали смещение участков дна, после чего на Мессину с интервалами в 15–20 минут обрушилось три волны цунами высотой до трех метров. В самом городе в течение одной минуты произошло три сильных удара, после второго началось обрушение зданий. Всего от землетрясения пострадали более двадцати населенных пунктов в прибрежной полосе на Сицилии и в Калабрии. Погибло порядка 200 тысяч человек. (Примеч. ред.)

¹⁹ Мидтаун, или Средний Манхэттен – часть нью-йоркского района Манхэттен между 14-й улицей на юге и 59-й улицей и Центральным парком на севере. Деловой и торговый район. Здесь, в частности, находятся многие известные небоскребы и комплексы, в том числе Эмпайр-стейт-билдинг, Рокфеллеровский центр, Фонд Форда, Крайслер-билдинг, комплекс ООН. (Примеч. ред.)

²⁰ Еженедельная газета, связанная с шоу-бизнесом, выходила в Нью-Йорке с 1853 по 1924 год. (Примеч. ред.)

и отказалась от участия в картине, приведя в бешенство всех задействованных в съемках. Ее агент заподозрил, что болезнь была мнимой, и с тех пор занес клиентку в черный список. Лина считала, что в ее матери разыграла гордыня; она сочла, что играть роль невежественной иммигрантки ниже ее достоинства – совсем не для этого Ольге давали такое изысканное воспитание.

После этого случая в Соединенных Штатах Ольга занималась только преподаванием музыки. Она больше не возвращалась на сцену и не смогла полностью реализовать свой талант. Друзья семьи, включая ее преданного поклонника Сержа Перского, были удивлены и расстроены, узнав о ее уходе со сцены. Начиная с 1912 года Ольга и Хуан зарабатывали деньги в основном как преподаватели вокала. Они помещали объявления в *Brooklyn Daily Eagle* и *New York Evening Telegram*, представляя себя опытными преподавателями международного уровня.

Супруги давали уроки за доллар в час в доме номер 88 по Херкимер-стрит, в своей второй по счету квартире в Бруклине, которую Лина называла домом, пока не закончила школу. Квартиры в этом четырехэтажном кирпичном здании, расположенном по соседству с экзотическим зданием древнего Арабского ордена дворян тайного святилища, рекламировались как «самые дешевые первоклассные квартиры в районе»²¹. Дом мог похвастаться такой роскошью, как горячая вода и паровое отопление. Квартира оказалась на одну комнату больше, чем прежнее жилье на Голд-стрит. Родители Лины воспользовались этим обстоятельством и обустроили класс для приходящих учеников. Иногда Лина пряталась под роялем, воображая, что остается незамеченной, и, сидя на полу, слушала, как родители учат своих учеников. Она узнала часть итальянского оперного репертуара от Ольги, основы музыкальной теории от Хуана и начала учиться пению под руководством родителей.

В 1913 году Лина, которой шел шестнадцатый год, закончила восьмой класс; в Нью-Йорке для девушек в этом возрасте заканчивалось обязательное обучение, и Лина продолжила учебу в вечерней школе. Выпускной вечер Лины проходил теплым, ясным вечером 24 июня 1913 года в помещении *Commercial High School* и совпал с 250-й годовщиной школы (на сегодняшний день это старейшая школа в Нью-Йорке). В честь этого знаменательного события в программе вечера были исторические сценки, бальные танцы и выступление хора. В статье под заголовком «Переключка столетий», напечатанной в *Brooklyn Daily Eagle*, подробно описывалось это театрализованное представление.

Лина, благодаря сильному голосу, была выбрана для участия в третьей сцене, в которой воссоздавалась колониальная певческая школа XVIII века. Четвертая сцена представляла из себя марш выпускников, после которого состоялось вручение дипломов. Далее член местного отдела школьного образования объявила, что мисс Глэдис Кук и Каролина Кодина показали лучшие успехи в изучении немецкого языка; им были вручены серебряные медали Национального германо-американского альянса²². Уроки Уэрли не прошли даром.

Память Лины сохранила отрывочные воспоминания об этом событии. Девочка заранее раздобыла отрез шифона и тщательно продумала изысканный фасон выпускного платья. Но мать отказалась помогать дочери, опасаясь за свои изящные, нежные руки, и Лина была вынуждена шить сама, поэтому платье получилось простенькое. Она помнила, как выпускники танцевали менуэт Моцарта под неслаженный аккомпанемент школьного оркестра.

Затем Лина получала профессиональное образование в Бруклине и на Манхэттене, а также, по собственным утверждениям, некоторое время жила в северных пригородах Нью-Джерси. В 1916 году Лина с родителями переехали на Манхэттен: сначала в Морнингсайд-Хайтс, где они сняли квартиру на Манхэттен-авеню, 161, рядом с Центральным парком, а затем в Северный Манхэттен, в Вашингтон-Хайтс, на 145-ю улицу. Большинство их

²¹ *Brooklyn Daily Eagle*. 1911. 27 августа. С. 15.

²² Национальный германо-американский альянс основан 6 октября 1901 года в Филадельфии, штат Пенсильвания, Чарльзом Хексемером, который возглавлял его до 1917 года. Перед Первой мировой войной насчитывал более 2 миллионов членов, включая американцев немецкого происхождения. (Примеч. ред.)

соседей были коренными американцами – продавцами, клерками, учителями, малоизвестными актерами и актрисами. Хуан и Ольга продолжали путешествовать, оставляя дочь на попечении мягкосердечных друзей, имевших большие, чем у них, средства к существованию.

В 1912 году, перед тем как Лина закончила восьмой класс, ее родители отправились на Бермуды – они выступали на одном из трех океанских лайнеров для обеспеченных отдыхающих, желающих провести скучное время Великого поста на элитном курорте. В тот год зима была суровой, и все билеты на лайнеры были раскуплены, а в отелях на Бермудах не было свободных мест. Благодаря этому у Хуана и Ольги было много работы. В 1916 году Хуан отправился с оперной труппой на гастроль в город Гватемала, а Ольга и Лина остались дома. Никаких подробностей об этой и поездках в Латинскую и Южную Америку и последующих Лина не знала. Подробности гастролей 1920 года в Лиму и Панаму с оперной труппой Адольфо Бракали давно забылись, если они вообще были ей известны.

Спокойный, добродушный Хуан принимал в воспитании дочери гораздо меньше участия, чем жена. Он безраздельно царил на устраиваемых дома музыкальных вечерах, однако для Лины близким человеком так и не стал. Ольга, напротив, не оставляла дочь в покое. Каждый раз перед выходом из дома Лина получала от матери стакан молока. Ольга боялась малокровия, хотела, чтобы Лина росла здоровой, и потому перекармливала дочь. Она просила Лину не пользоваться метро и надземными поездами, считая их рассадниками инфекции. В любом случае у Лины никогда не было синих губ – первый признак малокровия, и во время массовой эпидемии гриппа в 1918 году у нее не было даже насморка. «В то время у людей были странные понятия», – вспоминала Лина²³.

Почти все, что было известно Лине о музыкальной карьере отца, она узнала благодаря недатированной записи, сделанной на студии звукозаписи Columbia Records, где Хуан пел, аккомпанируя себе на гитаре. Лина хранила эту запись и фотографию, на которой отец был запечатлен в костюме-тройке и в гавайской соломенной шляпе под пальмой на Кубе.

На пластинке на 78 оборотов были записаны две старинные печальные и чувственные песни из испанского народного репертуара. С ними Хуан выступал в Гаване. Одну из них, *Raga jardines Granada*, Хуан любил петь Ольге, вероятно, чтобы напомнить ей о том времени, когда он красиво ухаживал за ней. «Для садов – Гранада; для женщин – Мадрид; для любви – твои глаза, когда они смотрят на меня». Лина записала эти строчки в блокнот и выучила песню.

Среди людей, на попечении которых родители оставляли Лину во время отлучек, была Вера Данчакова, известный ученый-биолог, которая одна из первых занялась изучением стволовых клеток. Лине она запомнилась всего лишь как исследователь в фармацевтической компании Eli Lilly. На самом деле Данчакова была большим ученым. Она изучала медицину в родном Санкт-Петербурге. В 1915 году иммигрировала в Соединенные Штаты – спустя год после вступления России в Первую мировую войну, обернувшегося для страны катастрофой²⁴. Сначала она работала в Рокфеллеровском институте в Нью-Йорке²⁵, а позже на факультете

²³ ЛПФ.

²⁴ Оставив должность приват-доцента Московского университета, Вера Михайловна Данчакова по Рокфеллеровской стипендии 12 лет проработала в Колумбийском университете на кафедре Томаса Ханта Моргана. Сегодня Морган в первую очередь известен как основатель классической генетики, но в то время прославился как эмбриолог и с 1904 года возглавлял кафедру в Колумбийском университете. Вера Михайловна, приехав на кафедру Моргана, занялась исследованием механизмов регенерации клеток крови. Именно тогда она одной из первых вышла на изучение стволовых клеток. В 1926 году Веру Михайловну Данчакову пригласили вернуться в Советский Союз, чтобы организовать новый биологический институт в Останкине. Ее работы по стволовым клеткам широко цитировались и цитируются до сих пор, ведь исследования по стволовым клеткам переживают сейчас настоящий бум. В современных обзорах в Америке Данчакову называют «матерью стволовых клеток» (Наука в Сибири. 2012. № 45 (2880). 15 ноября). (Примеч. ред.)

²⁵ Основан в 1901 году нефтяным магнатом и филантропом Джоном Рокфеллером. До 1965 года назывался Рокфеллеровским институтом медицинских исследований, а затем был переименован в Рокфеллеровский университет. (Примеч. ред.)

хирургии и общей терапии Колумбийского университета. Кроме того, она была журналисткой, нью-йоркским корреспондентом московской газеты «Утро России»²⁶. В начале 1920-х годов она, принимая участие в деятельности Американской администрации помощи, рассказывала о тяжелом положении ученых в России во время и после Первой мировой войны²⁷. Возможно, пример этой женщины – в справочнике Who's Who она была названа феминисткой – вдохновил Лину на реализацию собственных амбиций.

Однако с Хуаном и Ольгой Данчакова сошлась на почве музыки. Непрофессиональная, но одаренная пианистка, она принимала участие в музыкальных вечерах, которые супруги Кодина устраивали в своей квартире. Она, в свою очередь, приглашала их на летнюю дачу, которую снимала в Вудс-Холле, Массачусетс. Данчакова с мужем устраивали хлебосольные обеды для всех родственников и друзей. Эта патриархальная сценка запечатлелась в памяти Лины и свидетельствовала о том, что у ее родителей были важные связи в кругах русских эмигрантов. Когда Лине было 9 лет, количество эмигрантов из России достигало 500 тысяч человек; к тому времени, когда ей исполнился 21 год, их численность увеличилась до 750 тысяч человек. Сбежавшие из России по разным причинам – политическим, экономическим, культурным, они рассказывали о хаосе, последовавшем за революцией: отречении от престола русского царя в феврале 1917 года и захвате власти большевиками (коммунистами) в ноябре того же года. Родители надеялись, что Лина станет своей среди русских эмигрантов, и она оправдала их надежды.

Например, Лина дважды встречалась с русским композитором Сергеем Рахманиновым. Этот высокий, худой, угрюмый человек был весьма учтив с женщинами. Он не возражал, чтобы его музыку называли сентиментальной и меланхоличной, словно отражавшей горести, выпавшие на долю его родины, – эта рекламная уловка помогала продать больше билетов. Но стоило его большим рукам с длинными пальцами коснуться клавиатуры, и становилось понятно, что вся эта слезливая сентиментальность – просто клише. Рахманинов-пианист подчинял себе аудиторию и даже оркестры, с которыми он исполнял фортепианные концерты.

Впервые Лина встретилась с Рахманиновым в 1909 году, во время его первых гастролей в США. Гастроли были очень успешными, тем не менее он остался недоволен. Несмотря на успех и выгодные контракты, которые ему предлагали американцы, Рахманинов отказался от них. После концерта в Академии музыки на Восточной Четырнадцатой улице, где в XIX веке размещалась Метрополитен-опера, Лина и ее мать через общих знакомых получили приглашение пройти за кулисы, чтобы увидеть Рахманинова. Ольга хотела, чтобы одиннадцатилетняя дочь выглядела как можно наряднее, и нарядила девочку в матроску, а длинные волосы заплела в косы. Рахманинов не скрывал своей неприязни к американским детям, но сразу выделил Лину, подошел к ней, погладил по голове и с ностальгическим вздохом пробормотал: «Какая воспитанная маленькая русская девочка»²⁸.

²⁶ Газета «Утро России» начала выходить в 1907 году и финансировалась П. П. Рябушинским, М. М. Ковалевским, И. Х. Озеровым, Н. И. Худековым и др. В ноябре 1909 года в финансировании газеты приняли участие крупнейшие предприниматели Москвы: А. И. Коновалов, Н. И. Морозов, С. Н. Третьяков. К 1911 году «Утро России» стало авторитетным изданием. Газета много писала о проблемах развития российского капитала, о внешней политике России. Орган группы П. П. Рябушинского стоял у истоков новой, созданной в 1912 году партии прогрессистов. Газета не была последовательной в своих взглядах, в 1913 году она выступала за блок октябристов и прогрессистов, забыв о прежних распрях. Программу «Утра России» разделяли и так называемые молодые московские промышленники, отличавшиеся по своим взглядам от старшего поколения русских предпринимателей. Февральскую революцию «Утро России» приветствовало как конец всяких революционных потрясений. После октября 1917 года газету закрыли. (Примеч. ред.)

²⁷ American Relief Administration, ARA, неправительственная благотворительная организация, созданная в 1919 году для оказания продовольственной и иной помощи европейским странам, пострадавшим во время Первой мировой войны. Прекратила свою деятельность в России в июне 1923 года. Возглавлялась Г. Гувером. (Примеч. ред.)

²⁸ ЛПФ.

Повзрослев, Лина легко нашла свое место в эмигрантских кругах, пользуясь связями матери и обзаводясь новыми. Как только Лина окончила школу, Ольга убедила дочь, что необходимо получить профессию, *métier*, а не полагаться на замужество. Хуан и Ольга по собственному опыту знали, как изменчива жизнь. Никогда не знаешь, что случится завтра, поэтому Лина должна быть в состоянии сама себя содержать, получив профессию или давая частные уроки французского. Важно не столько количество заработанных денег, сколько независимость, которую они дают, утверждала Ольга. У нее была склонность к феминизму, развившаяся под влиянием матери и членства в женском клубе *Chigorean*. Итак, Лина поступила в бизнес-школу для получения профессии секретаря, но продолжала заниматься пением.

Благодаря Ольге Лина могла не только читать и писать, но и говорить по-русски, и это помогло ей войти в мир эмигрантов, имеющих связи с влиятельными и состоятельными людьми, многие из которых были яркими личностями – и среди них три Веры. Во-первых, Вера Данчакова. Во-вторых, Вера Джонстон, богатая светская львица, принимавшая участие в оказании помощи России во время Первой мировой войны; она брала уроки пения у родителей Лины и делилась с Ольгой новостями о родине. У Джонстон были впечатляющие связи в демократической политической организации, известной как Таммани-Холл²⁹, но гораздо большее впечатление на Лину произвело необычное, можно сказать причудливое, сочетание национальностей и взглядов среди родственников Джонстон. Ее мать была писателем-фантастом, известной в России благодаря рассказам о детях со сверхъестественными способностями. Увлечение сверхъестественными явлениями в мрачный период заката русского царизма затронуло ее тетю, Елену Блаватскую, ясновидящую и спиритуалистку, основавшую Теософское общество. По слухам, она демонстрировала удивительные экстрасенсорные способности и приобрела много поклонников в Соединенных Штатах. Теософия не привлекла Лину, но позже она станет горячей поклонницей Мэри Бейкер Эдди³⁰ и ее Христианской науки.

Вера была замужем за Чарльзом Джонстоном, который тоже произвел на Лину большое впечатление. Он был видным специалистом по санскриту, и его перевод индуистского священного писания Бхагават-гита стал классическим вариантом для новообращенных. До встречи с Верой в Англии, лондонском доме ее тети Елены, и переезда в Соединенные Штаты, в 1888 году Джонстон некоторое время работал в Индии. Там он заразился тропической малярией, после чего уволился по состоянию здоровья и вернулся в Европу, где стал ученым и писателем.

В Соединенных Штатах в 1908 году он работал преподавателем в Висконсинском университете, преподавателем в русской семинарии в Нью-Йорке, а с 1918 по 1919 год даже в Управлении военной разведки. Чарльз утверждал, что знаменитый поэт Уильям Батлер Йитс является его давним другом; они вместе ходили в школу в Ирландии, где их сблизили общие религиозные взгляды. В 1914 году, через Чарльза, Лина познакомилась с Йитсом, который

²⁹ Таммани-Холл – политическое общество Демократической партии США в Нью-Йорке, действовавшее с 1790-х по 1960-е годы и контролировавшее выдвижение кандидатов и патронат на Манхэттене с 1854 по 1934 год. Основано в 1789 году. Названо в честь Таманенда, дружественного белым вождя индейцев-делаваров. Таммани-Холл изначально ставило целью борьбу за интересы средних американцев против набравшей силу федералистской партии. Постепенно общество усиливало свое влияние, пока не превратилось в главную политическую силу Нью-Йорка. К 1870-м годам оно стало орудием верхушки Демократической партии и отличалось неразборчивостью в средствах и коррупцией своих лидеров. После серии скандалов и расследований Таммани-Холл проиграло важные муниципальные выборы 1932 года, после чего постепенно стало терять влияние. (Примеч. ред.)

³⁰ Бейкер Эдди Мэри – американская писательница и общественно-религиозный деятель. Автор известной книги о «духовном врачевании» «Наука и здоровье, с ключом к Священному Писанию» (*Science And Health, With Key To The Scriptures*, 1875). Утверждала, что человек может сам исцелить себя и управлять своей жизнью. Она называла такое исцеление христианскими методами лечения. Мэри Бейкер Эдди утверждала, что за описываемыми в Библии чудесами, совершаемыми Иисусом, есть вполне объяснимые факты. Официальные религиозные конфессии считают движение Христианской науки псевдохристианской сектой. (Примеч. ред.)

приехал в Нью-Йорк с лекциями. По ее словам, он был «краснолицый» и держался как истинный «хозяин положения»³¹.

Чарльз обожал Лину. Он называл ее то «кнопкой», то *baala*, что в переводе с санскрита означает «малышка». Его жена, которую Лина запомнила как старомодную русскую матрону, относилась к девочке холодно и не скрывала, что устала от мужа – так же, как и он от нее. Они были театрами и приглашали Лину с родителями на оперетты Гильберта и Салливана³² и спектакли по пьесам У. Б. Йитса. Лине понравились комические оперы «Микадо» и «Пензанские пираты», но она не поняла загадочную кельтскую драму «Графиня Кэтлин». Чарльз безуспешно пытался объяснить ей смысл произведения Йитса, но единственное, что запомнилось ребенку, – много людей в шлемах и боевые сцены.

В феврале 1915 года благодаря Джонстонам Лина попала на прием и банкет, устроенные на борту российско-американского океанского лайнера «Курск». Собралось пестрое интернациональное общество... С этого приема нью-йоркское Русско-американское общество при активной поддержке жены русского посла, мадам Бахметьевой (Бахметевоной), начало кампанию по сбору пожертвований пострадавшим от войны в России. Вера Джонстон была членом исполнительного комитета, а Лина ее особым гостем. В не по сезону теплый зимний вечер на борт «Курска» поднялись дамы в отороченных мехом пальто и длинных бархатных платьях в модном в то время средневековом стиле. Помимо танцев, устроенных после обеда, выступала группа *Domba* (от древнеиндийского слова *dombas* – «бродячий музыкант». – *Пер.*) в национальных костюмах с программой восточной народной музыки. То, что музыканты были родом из Индии, а не из России, наводит на мысль, что в организации концерта Вера прибегла к помощи мужа.

Третьей Верой, присматривавшей за Линой в отсутствие родителей, была Вера Янакопулос, бразильская певица греческого происхождения. У этой женщины был роман с русским, Алексеем Сталем, адвокатом, который приехал в Соединенные Штаты из России в 1918 году, где служил прокурором. По словам Лины, он был мэром Москвы, но в действительности являлся членом Временного правительства, сформированного после отречения русского царя в 1917 году. Когда к власти пришли большевики, ему пришлось бежать из России, спасаясь от угрозы расстрела. Истинную революцию совершил Владимир Ленин, а не горстка беспомощных буржуа, сформировавших Временное правительство. Большевики не проявили милосердия к царю Николаю II и членам его семьи. В сильном подпитии Сталь любил рассказывать гостям дома на Стейтен-Айленде истории о собственном чудесном спасении.

Лина восхищалась им на расстоянии, осознавая опасность, таившуюся в его обаянии и лукавом взгляде. Рыжая борода только усиливала сходство с хитрой лисой. Возлюбленная Сталя, Вера, которую он называл «примадонной», была его полной противоположностью: очаровательная, добросердечная, бегло говорящая по-французски. Для Лины она была идеальным образцом для подражания.

Благодаря этим связям Лина в 21 год получила свою первую работу. Это была в основном канцелярская работа, но у нее появилась уникальная возможность получить представление о международной политике. В 1919 году Лина в течение месяца работала помощницей у Екатерины Брешко-Брешковской, которую называли бабушкой русской революции. Ее дважды ссылали в Сибирь за членство в анархических и социалистических организациях в России, она агитировала за свержение царя Николая II и была членом Временного правительства,

³¹ ЛПФ.

³² Драматург сэр Уильям Швенк Гильберт (1836–1911) и композитор сэр Артур Сеймур Салливан (1842–1900) – английские авторы, создавшие во второй половине XIX века четырнадцать комических опер. В музыкальном театре англоговорящих стран Гильберт и Салливан занимают такое же, если не более высокое, место, какое в Австрии Штраус и Кальман, а во Франции – Оффенбах. В Англии даже есть труппа «Д’Ойли-Карт», которая ставит только эти оперы. Страстным любителем опер Гильберта и Салливана был балетмейстер Сергей Дягилев. (*Примеч. ред.*)

сформированного после отречения царя. Ходили слухи, будто Брешко-Брешковскую казнили в 1918 году, но, очевидно, ей удалось бежать из России. Брешко-Брешковской было 75 лет, когда она приехала в Соединенные Штаты; позади были три десятилетия активной политической жизни и еще пятнадцать лет ждали впереди. В январе 1919 года Брешко-Брешковская, совершив плавание через Тихий океан, высадилась в Сиэтле, откуда началось ее путешествие по территории Соединенных Штатов, в ходе которого она рассказывала о том, что творится на ее родине, – о голоде, грабежах и насилии. Она была гостьей в Халл-Хаус в Чикаго, благотворительном центре, оказывавшем всевозможную помощь вновь прибывшим эмигрантам из разных стран. В своих выступлениях она в пугающих подробностях описывала невыносимые страдания русских людей. Ее сторонники, включая таких прогрессивных женщин, как Лиллиан Уолд, Джейн Аддамс, Элис Стоун Блэквелл, возвеличивали Брешковскую за ее самоотверженность, за активную деятельность по сбору средств для оказания помощи русским сиротам.

Спустя десять дней она сошла с поезда на Центральном вокзале Нью-Йорка, где ее встретили с цветами восторженные поклонники. Оттуда она отправилась в «Сеттлемент на Генри-стрит», дочернюю организацию Халл-Хаус, обслуживавшую иммигрантов Нижнего Ист-Сайда. Брешковская сделала дом на Генри-стрит своим штабом в Нью-Йорке.

История Брешковской почти не отличалась от истории хозяина дома на Стейтен-Айленде Алексея Сталя; оба бежали из России, чтобы сохранить жизнь. Однако, в отличие от Сталя, Брешковская не теряла активную жизненную позицию. Даже в изгнании она вела кампанию против Советской России, утверждала, что необходимы перемены. Бабушка не только занималась сбором средств; в своих выступлениях она предупреждала об опасности большевизма и высказывалась в поддержку Лиги Наций. Она осуждала большевиков и их лидера Ленина, называя их безрассудными фанатиками, управляемыми германскими агентами. Русская революция не что иное, как государственный переворот, заявляла она, и это ставило под сомнение идею социализма.

Лина, работавшая машинисткой и при необходимости переводчиком, не переставала удивляться своему работодателю. Несмотря на богатый жизненный опыт, Брешковская любила изображать наивность, делала вид, будто она простая, безобидная старушка. Она произвела на Лину парадоксальное впечатление: «очень старая дама» притворялась аполитичной, «конечно, не большевичка» и «далека от тоталитаризма»³³.

Брешковская пыталась объяснить американцам разницу между социалистами и большевиками, которые, по ее мнению, были большими диктаторами, чем цари. «Трудно говорить о России, если вы не понимаете Россию», – заявляла она³⁴.

Лину поразили феминистские высказывания начальницы – впрочем, в то время девушка такого слова не знала. Брешковская считала, что женщины, особенно решительные американские женщины, являются надеждой человечества. Она приветствовала борьбу за избирательное право женщин и подчеркивала важность образования в стремлении к справедливой жизни. Как она выразилась в разговоре с Лиллиан Уолд, образование убережет людей от «обольщения, искушения, обмана и потерянности»³⁵. Лина, будучи еще довольно наивной, вспоминала наиболее неопределенное значение выражений «фундаментальные основы добра» и «гуманитарные принципы»³⁶.

Обязанностей у Лины было не слишком много, поскольку она являлась лишь одной из многочисленных помощниц Брешковской, следивших за плотным графиком начальницы. По приглашению исполнительного комитета Общества друзей русской свободы Бабушка высту-

³³ ЛПФ.

³⁴ *Exposes Bolshevik Misrule in Russia* // *New York Times*. 1919. 30 января.

³⁵ Письмо от 23 августа 1919 года, документы Лиллиан Уолд, папка 10, Колумбийский университет.

³⁶ ЛПФ.

пила 10 февраля в Карнеги-Холл – и собрала почти 11 тысяч долларов. Она объяснила собравшимся в зале, что Россия более всего нуждается в конституционном, представительном правительстве. Затем Брешковская отправилась в Вашингтон, где выступила перед подкомиссией конгресса по вопросу большевизма. Увы, все это привело к сильному переутомлению, и врачи прописали Брешковской полный покой.

Некоторые скептически относились к ее призывам, и, к своему изумлению, она обнаружила, что ее высмеивают, называя лакеем капитализма. В Бостоне сторонники большевиков с балконов выкрикивали по-русски дерзкие вопросы. А в Провиденсе чуть было не дошло до беспорядков: радикалы забрались на стропила и распевали революционные марши, а снизу их противники отвечали гимном *The Star Spangled Banner* («Знамя, усыпанное звездами»). 28 июня Брешковская, чувствуя, что ее терпение вот-вот лопнет, отправилась из Соединенных Штатов во Францию, предупредив на прощание, что в США около трех миллионов сочувствующих большевикам, которых не следует выпускать из поля зрения.

* * *

Лина снова воспользовалась связями с русскими, которых у нее теперь было не меньше, чем у матери, и устроилась на постоянную работу в финансовом районе Нью-Йорка. Помог трудоустроиться и опыт работы у Брешковской. Каждое утро, заплатив 5 центов, она ехала в метро из Вашингтон-Хайтс (район Северного Манхэттена) до Либерти-стрит, 136. Лина получала от 16 до 20 долларов в неделю – обычная зарплата для молодой женщины-стенографистки или помощницы в офисе – в Комитете русских кооперативных союзов.

Американский комитет был частью Всероссийского центрального союза потребительских обществ, организации, известной под непонятным акронимом «Центросоюз». Комитет издавал ежемесячный журнал на английском языке *Russian Cooperative News*, в котором подробно рассказывалось о деятельности и планах организации. В первом номере журнала говорилось об экономической и дипломатической целях американского комитета, о важности вклада Соединенных Штатов в торговлю и промышленность России³⁷. Однако, хотя речь там шла об американских интересах, было очевидно, что на первом месте стоят интересы России. Объявление об окончании Первой мировой войны вызвало какие угодно чувства, но только не эйфорию. Россия была растерзана войной, так что праздновать было нечего. С Германией был подписан мирный договор, и снята блокада. На мировом рынке появился сильный и влиятельный конкурент, с которым следовало считаться. «Теперь страны вынуждены сформировать принципы экономической политики, полностью отличающиеся от тех, что были во время войны»³⁸. Экономические реформы, проведенные большевиками для спасения российской экономики, находились под угрозой. Кто бы мог подумать, что таковы окажутся последствия заключенного мира?

В американском Центросоюзе (еще одно отделение находилось в Москве, в здании, построенном Ле Корбюзье) располагалось отделение Московского народного банка³⁹. Лина работала на четвертом этаже под руководством Евгения Сомова, которому ее представили общие знакомые. Кроме того, он работал помощником и секретарем композитора Сергея Рахманинова. Сомов был немного влюблен в Лину, и ему нравилось поддразнивать ее из-за стек-

---

³⁷ *The Russian Cooperative News: Bulletin of the American Committee of Russian Cooperative Unions* 1. № 1. 1919. Июнь.

³⁸ *The peace treaty has been signed* // *The Russian Cooperative News*. № 3. 1919. Август.

³⁹ Открылся в Москве 9 мая 1912 года. Идея создания подобного банка возникла на I Всероссийском съезде представителей кооперативных учреждений в 1908 году. Цель создания и деятельности – «доставлять денежные средства учреждениям мелкого кредита и всякого рода кооперативным предприятиям для облегчения их оборотов». Были учреждены агентства в Лондоне (1915 год) и Нью-Йорке (1916 год). (*Примеч. ред.*)

лянной перегородки между столами. Иногда он снимал трубку параллельного телефона и подслушивал ее личные разговоры.

Одним из клиентов банка был голубоглазый блондин, композитор и пианист, приехавший в Нью-Йорк из России. Он был на пути к славе, однако музыка его вызвала споры в Европе и Соединенных Штатах. Этот человек не скрывал, что презирает музыку композиторов-романтиков, которая была по душе нью-йоркским любителям музыки. Американские средства массовой информации рассуждали о его жесткой, механистической технике исполнения и какофонических сочинениях, таких как Концерт для фортепиано с оркестром № 2 и Скифская сюита. Однако при личном общении композитор не производил впечатление эксцентричного человека не от мира сего. У него был настолько плотный гастрольный график, что он постоянно испытывал смертельную усталость, но, несмотря на это, упорно двигался к поставленной цели – завоеванию Нового Света. В Нью-Йорке на его пути стоял Рахманинов, он был старше и относился к более консервативному поколению.

Время от времени новый клиент заходил в банк, чтобы отправить телеграфный перевод своей матери, оставшейся в России. Насколько ему было известно, мать поехала на юг с семьей племянника. Путешествие было опасным, поскольку племянник отступал вместе с проигравшей Гражданскую войну белой армией. Композитор надеялся, что родным удастся благополучно добраться до Черного моря и покинуть Россию. У него было крайне мало денег, однако он отчаянно пытался разыскать мать. Рассылал письма во все российские консульства, вкладывая в них скромные денежные суммы, с просьбой сообщить, где его мать и как он может связаться с ней.

Сначала Лина считала его самодовольным и грубым, но потом прониклась обаянием композитора. Он тоже заинтересовался Линой. Летом 1919 года они несколько раз ходили вместе на концерты и званые ужины. Стал их общим другом и, поощряя их отношения, часто приглашал на вечеринки на Стейтен-Айленде. Мать Лины высказывала беспокойство по поводу зарождающихся отношений и призывала дочь держаться от музыкантов подальше – то же самое ей самой когда-то говорил отец. Но Ольга признавала, что он обаятельный человек, и с удовольствием слушала его рассказы о России, бывшей и настоящей.

Его звали Сергей Прокофьев. Лина впервые увидела Прокофьева 10 декабря 1918 года в Карнеги-Холл, где он исполнял свой Концерт для фортепиано с оркестром № 1. Вера Данчакова позвонила матери Лины с известием, что из России с концертом приехал композитор, опровергающий устоявшиеся представления о музыке. Ни Вере, ни Ольге не нравилась новая музыка, но им было интересно послушать «большевистского» музыканта, имевшего репутацию «безумного гения». Лина, услышавшая разговор матери с Данчаковой, воскликнула: «О, я тоже хочу пойти на концерт!»⁴⁰ Так она попала на концерт, вызвавший бурю самых разных эмоций, а после этого встретила композитора за кулисами. С этого, казалось бы, незначительного эпизода началась следующая фаза ее жизни, еще более наполненная приключениями, чем детство.

---

⁴⁰ ЛПФ.

Глава 2

Зарубежные музыканты много лет развлекали нью-йоркскую публику, но в 1918 году гвоздем программы был Сергей Прокофьев – виртуоз, модернист, исполнявший собственную новаторскую музыку.

Вундеркинд, сравнимый по таланту с Моцартом, учился в Петербургской консерватории, первым знаменитым выпускником которой стал Петр Чайковский. Сергей был намного младше сокурсников, однако смотрел на них свысока. В насмешку на уроках гармонии он вел статистику их ошибок, старательно сортируя параллельные квинты и другие несуразности в отдельные графы и высчитывая проценты. Он во всеуслышание заявлял, какая скука эта учеба. Преподаватели ворчали, сердились и вздыхали, возмущаясь «неправильными» нотами и непонятными оркестровками. Прокофьеву объясняли, что он слишком увлечен наделавшими развращенными экспрессионистами, футуристами и примитивистами, но на самом деле их музыка – просто шум; следует оказывать больше уважения традициям. Как правило, Сергей не обращал внимания на критику и даже гордился тем, что оценки у него хуже, чем у послушных, примерных однокурсников. Однако выговоры, которые он регулярно получал от Николая Римского-Корсакова, Анатолия Лядова и Николая Черепнина, подчас бывали строгими, даже несправедливыми, и это его задевало.

Мария Прокофьева, безумно любившая сына, вселяла в него огромную уверенность и обещала поездку в Париж после окончания консерватории. В 1909 году Сергей окончил консерваторию как композитор, а в 1914 году – как пианист, выиграв первый приз в состязании с четырьмя другими музыкантами и поразив комиссию исполнением своего Первого фортепианного концерта. Директор консерватории, коренастый, краснолицый Александр Глазунов, даже почувствовал недомогание – такова была исполнительская мощь и властная энергия Прокофьева. Сергей продолжал учиться, чтобы избежать призыва в царскую армию. Сочинил Концерт для фортепиано с оркестром № 2, пьесу «Внушение дьявола», фортепианные циклы «Сарказмы» и «Мимолетные видения». Решив, по его собственному выражению, «подразнить гусей» – консерваторских ворчунов, он сочинил Симфонию № 1 «Классическую»⁴¹. К его удивлению, она стала одним из его самых известных сочинений.

Прокофьев нашел Париж «удивительно красивым, жизнерадостным, веселым и обольстительным»⁴² и мгновенно погрузился в водоворот новых впечатлений – Эйфелева башня, с которой он послал открытки завидовавшим ему друзьям; шелковые цилиндры; балеты «Петрушка», «Дафнис и Хлоя», «Шехерезада»; Академия изящных искусств, кафе на бульварах, где он пристрастился к виски с содовой. Как только Сергей Дягилев, опытный балетный импресарио, организатор труппы «Русский балет», удостоил его аудиенции, Прокофьев понял, что его будущее связано с Западом. Но к тому времени, когда Прокофьев укрепился в желании покинуть Россию, путь в Париж был отрезан. В России царил хаос. Ужасающие события в феврале 1917 года – перестрелки на улицах Петрограда (в августе 1914 года Санкт-Петербург был переименован в Петроград); мятежные солдаты; огневые точки на крышах домов; усеянные листовками улицы; акты вандализма; костры на улицах. Однако для Сергея все эти события были не более чем ходами на политической шахматной доске. Прокофьев был свидетелем революции, однако происходившие в стране катаклизмы не затрагивали его глубоко. Заботящийся исключительно о собственных интересах и обладающий феноменальной способностью концентрироваться, Прокофьев отгородился от мира и царившего в нем хаоса и сосредоточился на своей музыке.

---

⁴¹ *Prokofiev. Prokofiev by Prokofiev: A Composer's Memoir.*

⁴² *Прокофьев. Дневники 1907–1914.*

Весной 1918 года, оставив мать на Кавказе, Сергей отправился в длительное путешествие на Восток, сначала в Японию, а оттуда в Америку. В дороге он учил английский язык, который знал намного хуже французского, и начал работу над оперой «Любовь к трем апельсинам» по заказу Чикагского оперного театра.

Сергей отправился в гастрольную поездку на Запад с разрешения большевистского правительства России. Анатолий Луначарский, нарком просвещения, санкционировал заграничную поездку Прокофьева, считая, что Сергей будет своего рода атташе по культуре. Большевики – разрушители, признавался Луначарский, а Сергей – созидатель. Режим нуждается в нем. Прокофьев соблюдал договор, в беседе с американскими корреспондентами никогда не отзывался негативно о послереволюционной России, не желая рисковать хорошими отношениями с большевистским режимом и его заграничными агентами.

Поездку в Соединенные Штаты финансировал промышленник Сайрус Маккормик, который познакомился с Сергеем в июне 1917 года, во время посещения России в составе американской дипломатической миссии. Бурное пребывание в Америке началось с неприятного общения с таможенниками на острове Энджел, Калифорния, 24 августа 1918 года⁴³ и закончилось 27 апреля 1920 года ссорой в Чикагской опере. Между этими событиями Прокофьев ездил по Америке как концертирующий пианист, в основном исполняя собственные сочинения, а не музыку романтической эпохи, столь любимую зрителями.

Сергей тосковал по России, даже когда узнал о расстреле царя и конфискации частной собственности большевиками. Он переживал, что оставил страну в решающий – если не сказать страшный – переходный период, и боялся, что понесет наказание за то, что поехал за границу в поисках успеха. Но больше всего его волновала судьба матери, которая взращивала его талант и следила за учебой, а также перспективы возвращения на родину. Но у Прокофьева не было много времени на раздумья, поскольку он жил на чужие деньги и должен был крутиться как белка в колесе, чтобы обеспечить себе постоянный ангажемент и публикации в американской прессе. Деньги Маккормика заканчивались, и Сергей был вынужден обращаться за финансовой поддержкой к русским, жившим в Америке.

В течение 1918–1919 годов он перенес бесчисленное множество болезней, вызванных стрессом и усталостью, от мучительной простуды до мигрени, больных зубов, скарлатины, ревматизма и многочисленных абсцессов, в том числе в горле⁴⁴. Ему еще не было тридцати, а у него уже поредели волосы, Прокофьев страдал из-за слабого сердца и сильно похудел. Однако, несмотря на состояние здоровья и массу других проблем, в том числе споров по контрактам и выручке со скупым менеджером М. Д. Адамсом, Прокофьев продолжал верить в себя и свою гениальность. Как подтверждение, он скрупулезно подсчитывал, сколько раз его вызывали на поклон после концерта – десять или двенадцать раз (он не смог точно вспомнить) в Чикаго 8 декабря 1918 года, – и вычислял соотношение между громкостью аплодисментов, которые он получил, временем суток, когда состоялся концерт, и учитывал присутствие в зале дам в перчатках, поскольку их аплодисменты звучали глуше, чем следовало бы.

Однако его стремление к славе объяснялось не только самовлюбленностью. Читая сочинения философов – в подростковом возрасте Сергей изучал Канта, Гегеля, Шопенгауэра, – он пришел к выводу, что его музыка вне времени и пространства, что его талант действительно дарован Богом. Как еще он мог объяснить, что мелодии, гармонии приходят к нему, сами собой

⁴³ В своих воспоминаниях Прокофьев пишет: «Из Иокогамы, с чудесной остановкой в Гонолулу, я перебрался в Сан-Франциско. Там меня не сразу пустили на берег, зная, что в России правят «максималисты» (так в то время в Америке называли большевиков) – народ не совсем понятный и, вероятно, опасный. Продержав дня три на острове и подробно опросив («Вы сидели в тюрьме?» – «Сидел». – «Это плохо. Где же?» – «У вас, на острове». – «Ах, вам угодно шутить!»), меня впустили в Соединенные Штаты». (Примеч. ред.)

⁴⁴ Прокофьев. Дневники 1915–1923.

возникая в голове и требуя, чтобы их записали? У него не было иного выбора, кроме как целиком посвятить себя своей музыке.

Фанатичная преданность делу проявлялась то в неожиданных вспышках гнева и высокомерия, то в редких приступах меланхолии. Если дамы отвергали его или он разочаровывался в них, – Лина не была исключением, – его лицо багровело, и он обвинял их в том, что они банальные, поверхностные особы. Порой Сергей производил впечатление человека бесчувственного, и виной тому была странная привычка переводить эмоции в рациональную плоскость – это упражнение успокаивало Прокофьева и дарило ему своеобразное утешение. После смерти отца в 1910 году Прокофьев размышлял: «Любил ли я его? Не знаю... Он беззаветно служил мне, своему единственному сыну, и именно благодаря его неустанной заботе так долго удовлетворялись все мои материальные потребности»⁴⁵. Сергей не выносил сантиментов ни в музыке, ни в жизни.

Во время поездки по Соединенным Штатам композитор вел дневник; он подробно описывал то, что видел и слышал в первые месяцы жизни в Нью-Йорке летом 1918 года; «мрачного на вид негра»⁴⁶, жившего этажом ниже в доме на 109-й улице, в котором он снимал квартиру, «красивую, плоскогрудую, равнодушную»⁴⁷ молодую женщину, профессиональными услугами которой он пользовался. Вскоре он переехал из окраинного района Манхэттена ближе к центру и поселился в отеле Wellington, расположенном на углу 7-й авеню и 55-й улицы. Он занимал две меблированные комнаты с роялем. Места хватало, чтобы «спрятать чужих жен, если их разъяренные мужья ворвутся в номер», пошутил он в дневнике, но признался, что личная жизнь «ужасно хромает»⁴⁸. Положение улучшилась, как только Сергей начал выходить в свет и посещать особняки спонсоров. Он флиртовал с нью-йоркскими кокетками и ухаживал за Харриет Ланье, основателем и президентом Общества друзей музыки. Харриет и ее муж, брокер, устраивали приемы в особняке на Восточной 55-й улице. Харриет Ланье посвятила свою жизнь Обществу и даже прикованная к постели из-за сердечной болезни продолжала организовывать концерты из спальни апартаментов в отеле Savoy Plaza. Сергей покорила Ланье своей игрой, и она пообещала организовать его дебют⁴⁹. Но передумала, когда узнала, какие огромные деньги Сергей требует за выступление.

---

⁴⁵ Прокофьев. Дневники 1907–1914.

⁴⁶ Прокофьев. Дневники 1915–1923.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Прокофьев. Дневники 1915–1923.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.